

ЗАЗУБРЕННЫЙ черный лес отрезал предугранный горизонт. Сочится, растекаясь над ним, водянисто-бесцветный зимний расцвет. А вокруг — угрожающе синие снега с проматывающей их дорогой и, надвигаясь на нас, хитренько, как в прищуренных глазах, высовываются из-под тяжело нахлобученной крыши узенькие окна свинарника...

Печальная картина, тревожные краски. И начинается новая повесть Тендрякова невесело: уходит в город, бросая свинарку Настю, упрямый Кешка, ее «недельный» муж — не захотел «тонуть в свином навозе», отказался от тихого избяного счастья. И поскольку беда, как водится, не приходит одна, на следующее же хмурое и холодное утро — то самое, в угрожающе синих снегах! — обрушивается на плечи Насти еще одно горе: повальная болезнь четвероногих ее подопечных на ферме и неизбежное, вследствие этого, столкновение с расторопным председателем, вчера еще прочившим Настю в очередные знаменитости. И все это, взятое вместе, воспринимается молодой женщиной как подступившее к самому горлу чувство одиночества, глухой враждебности окружающего ее мира — нельзя, невозможно верить ничему и никому!..

Так, круто, разом, с прежней уверенной силой, вернувшейся к нему здесь, среди знакомых людей и мест, завязывает Тендряков еще один тугой узел деревенской жизни...

Прежде всего — о Насте, о ее характере. Перед нами очень интересный тип колхозной труженицы, начисто лишенной безответной покорности судьбе, ищущей, энергичной, действенной. Скажем больше — многие качества Насти складываются и развиваются как раз в преодолении этой безответности, в бунте против нее, как и против других пережитков старой крестьянской психики.

В самом деле — героиня повести Тендрякова жаждет как будто бы простого, незатейливого счастья: «чтоб муж... чтоб дети, чтоб семейным теплом была согрета изба и мать на старости лет в приюте». Но она хочет его именно полной и чистой мерой, не поступаясь ничем, а напротив — долгом и совестью. Сильно и зло подавляет она в себе, например, вспыхнувшую было жестокую мысль — бросить больную мать и уйти за Кешкой в город: она заведомо не может налаживать такой ценой свою незадавшуюся женскую долю.

Больше того. Представления Насти о счастье, вопреки ее собственным грустным раздумьям, вообще не ограничиваются бревенчатыми избяными стенами, семейным теплом и даже пришедшим в колхоз достатком, какого не видали ее родители: будь то мотоцикл, модное пальто или пружинные кровати под перинами в каждой горнице. Она совсем не знает той неумеренной жадности, скопидомства, почти звериной привязанности к своему и завистливой неприязни к общему, которые отличали, скажем, Силана Ряшкина из повести «Не ко двору». Со всей силой справедливого и гордого женского презрения к обманувшему ее Кешке («иль думаешь, я користоваться после него буду?») завертывается она в оставленный им пове-

хонький дорогой шарф грязного больного поросенка — поступок для Силана немислимый. Не задумываясь, спешит в район, чтобы накупить на свои деньги рыбьего жира и лекарств для взращенного ею стада, боль и злорада колхозной хозяйки — сильнее, самолюбие работницы — дороже кровных рублей. И самолюбие это отнюдь не показное. Оно основано на сознании своего трудового достоинства, своей человеческой и общественной ценности.

Иной человек, прочитавший эту повесть, может удивиться. Ведь поступки Насти, вся драматическая история ее недолгого вознесения и падения, развернутая здесь, как будто бы не дают оснований видеть нашу героиню в таком ореоле. Отчаянье — отчаяньем, но сознательно пойти на обман, изо дня в день умолять его, лицемерить, принимать незаслуженную дань всеобщего уважения и славы, постоянно сознавая себя «фальшивым камушком», и в конце концов, окончательно запутавшись, в страхе перед неминуемым разоблачением

А все же — и это не только мое пристрастное мнение, это осязаемо чувствуется в каждой строке «Подёнки», в отношении автора к Насте — совершенное ею воспринимается и как вина, и как беда молодой женщины, как столкновение сильных и ярких свойств ее природы с жизненными обстоятельствами, которые на время («подёнка — век короткий») оказались сильнее ее.

Как же случилось, что все эти хорошие качества вдруг обернулись для Насти мучением, едва ли не гибелью?

Здесь-то на сцену и выступает Артемий Богданович — колхозный председатель из числа «хватаных», то есть успешных привыкнуть к тем, порожденным административным субъективизмом, «кампаниям», которые превращались в колесо холостого хода, в очковтирательство и «показуху».

Теперь мы знаем экономические последствия этих «кампаний». Знаем и о тех усилиях, которые по решению мартовского Пленума ЦК предпринимаются сейчас для преодоления этих по-

Но и это еще не все. Приспособившись «обходить горы», Артемий Богданович, отнюдь не страдая излишней скромностью, постоянно мечтает иметь на какой-либо из выдающихся вершин «гордое звание» своего колхоза. И есть еще восторженный Костя Неспанов — простоватый и «блаженный», по меткому выражению Насти, председатель сельсовета. Душой и телом зависящий от Артемия Богдановича, он ни мало не тяготится этой зависимостью и даже вроде бы не замечает ее.

Все это буквально захлестывает нашу героиню, превращая живого, работающего, доброго человека в подобие хоругви. Над самым святым для него, над его трудом, над любовью, творится кощунство — трудно найти иное определение для того, во что обернулась Настина «красная свадьба» или ее чествование на областном совещании передовиков. И поэтому невыносимее всего оказываются ложные мысли, к которым неожиданно для себя, да и для нас приходит Настя. Ей, вознесенной на вершину фальшивой славы, на какой-то момент, в порыве к самооправданию, показалось, будто люди хотят верить в нее — «и фальшивые камушки вставляют в оправу, когда нет под рукой настоящего»...

Очень тяжелая это повесть! Публицистическая мысль писателя, его критика зла воплотилась в образы большой художественной цельности.

Но почему же все-таки, прочитав повесть, испытываешь ощущение некоторой односторонности, неполноты картины?

Вряд ли оправдана та мимолетность, с которой проводит нас Тендряков мимо других односельчан Насти — будь то ее подружка и наперсница Павла, развеселый шофер Женька Кручинин, лукавый и мудрый дед Исая. Еще более бросается это в глаза, когда речь в повести заходит о людях, соревнующихся с Настей честно и всерьез, не помышляя «обходить гору», — об антиподе Артемия Богдановича знаменитого председателя Афанасии Чуве и прославленной свинарке Ольге Карповой. Пусть Ольга, не в пример Насте, «с виду куда как проста», пусть доверчиво расцветает Чув, слушая льстивое Настино слово. Но ведь на самом-то деле они совсем не просты, надо думать, ежели сумели подняться в гору без фальши и в заправду, а не так, как Настя, стать «гордым знаменем» своего района! И когда Тендряков предпочитает здесь употребить «фигуру умолчания», это оставляет впечатление некоей искусственности, заданности, которая ослабляет впечатление от прочитанного.

Могут возразить, что даже в таком случае уже само присутствие таких образов в повести ощущается как некое светлое, утверждающее начало. В конце концов и качества Настиной природы, побеждающие в ее душе, помогающие ей удержаться на самом краю пропасти, тоже порождены этим светлым началом. И это к ним, к людям «другого», подлинно своего мира вырывается Настя с криком о помощи. Но как раз поэтому они, эти люди, заслуживали большего писательского внимания, более действенной роли в книге.

НАСТЯ ВОЗВРАЩАЕТСЯ К ЛЮДЯМ

Вс. СУРГАНОВ

оказаться на грани прямого уголовного преступления, расчетливо подготовив подлог колхозной фермы и собственное алиби!..

Как совместить все это с достоинствами Насти? Как понимать ее и все, что с нею произошло?

Думается, что возникновение этих недоумений — а они, по моему, неизбежны для всякого, кого взволнует судьба нашей героини, — связано с не одиажды уже отмеченной особенностью Тендрякова-художника. Он всегда стремится проникнуть в самое трудное сплетение жизненных противоречий, заставляет своего читателя задуматься над неожиданным, «неположенным» совмещением явлений, как будто бы заведомо несовместимых, но выражающих сложные закономерности.

Закономерность подобного рода налицо и в Настиной истории. Да, она виновата в том, что с нею произошло. И вина эта не умеряется, а усиливается ее достоинствами. Бунт против безответности уже сам по себе неизмеримо повышает силу личной ответственности человека за свои мысли и поступки. Более того — эта ответственность всегда осознается с особенной остротой: не отсюда ли вся сила душевных мук, которые испытывает Настя? Ведь за исключением тех единственных мгновений, когда ее на областном совещании передовиков на какой-то срок ослепил и сбил с толку блеск незаслуженной славы, она на всем протяжении повести ни на минуту не закрывает глаза на свой обман, на свое самозванство, судит себя судом нелицемерным и беспощадным, «вплоть до жестокой мысли о самоубийстве. И, разумеется, это одновременно суд автора и наш, читательский, суд!

И тем более важно и нужно разобраться в социально-психологической их природе, в том, как отразились они в судьбах людей.

Артемий Богданович одновременно и порождение, и проводник «показухи». «Выговор — не туберкулез, носить можно», — покрывает он, озабоченный главным образом тем, чтобы провести очередную кампанию по возможности без лишнего строгой головной. Хуже всего, что психологически он уже приспособился к такому положению вещей и даже научился по-своему оправдывать его. «Есть порядок, он одинаков и для тебя, и для меня. — поучает он Настю, прибежавшую к нему с погубившими поросятами. — Когда у меня в колхозе, скажем, кукуруза не выросла, я что — бегу в район и кричу там: «Вы заставили сеять, вы, мол, и отвечайте!» Нет, мне скажут: «С больной головы на здоровую не вали». И правы они! Надо было раньше мозговать. Поздний ум, что глупость, — цена одинакова. Не сумел вовремя мозгами пошевелить — ответ... Ты в том виновата... что не настояла на своем тогда, когда нужно, не убедила меня...»

— Не настояла, не убедила... Ты — сила, а я кто? Ты всегда подомнешь, — возмущается Настя, вспоминая, как улачивал и улещивал ее председатель согласиться на проведение зимнего опороа, который и привел к падежу.

— Против силы умом, — хитро прищуривается Артемий Богданович, который, конечно же, никогда не решится настаивать и убеждать вышестоящее начальство: «Умный в гору не пойдет, умный гору обойдет. Так-то, святые слова...»